

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ВНЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ (на материале "Мертвых душ" Н.В. Гоголя)

Язык и культура неотделимы, они связаны неразрывными нитями. Художественное произведение - всегда выражение культуры определенного времени, в нем нашло отражение множество факторов, определяющих его художественное своеобразие, художественную значимость, мир писателя. "В произведениях Гоголя во всей полноте воспроизведены особенности русской жизни: русская природа, национальное своеобразие русского человека, особенности быта, живость мысли и чувств, меткость языка - все это нашло отражение в языке Гоголя" [5, с. 42].

В историю русского литературного языка Гоголь вошел как продолжатель традиций своего великого учителя и современника, создателя современного русского языка А.С.Пушкина. Однако Гоголь был не только продолжателем традиций Пушкина, он был смелым новатором.

Гоголь значительно раздвинул рамки литературного языка, обогатив его новыми лексическими пластами - диалектизмами, профессиональными словами различных слоев общества, жаргонизмами и арго почти всех общественно-социальных групп.

Писатель прочно закрепил практику употребления просторечия как нормативного средства, развил и углубил тенденцию демократизации языка в области синтаксиса, создал неповторимо индивидуальные языковые средства, благодаря чему гоголевская проза засияла новыми гранями истинной поэзии.

Язык Гоголя - это неисчерпаемый родник, кладезь "народной мудрости, народного остроумия, народной манеры выражаться метко и образно" [5, с.6]. Он вмещает в себя и бойкое, меткое слово, и пространные книжные рассуждения - то романтически возвышенные, то выполненные в духе сентиментализма, то опускающиеся до канцелярской сухости и терминологичности.

Проблему развития русского литературного языка Гоголь решал не только как филолог, он выплескивает ее на страницы своих произведений. Еще в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" он высказывает условно-литературное отношение к языку: украинский язык он считает мужицким, русский язык - "грамотным", т.е. литературным. В "Ночи перед рождеством он пишет: "И кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием". Таким было распространенное отношение к русскому языку. В "Мертвых душах" он воспевае русский язык, с болью замечая незнание, непонимание своего языка в дворянских салонах и восхищаясь меткостью и образностью русского слова: "...по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии, а вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе... Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, - словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы им прямо на язык, и им бы больше ничего, как только разинуть рты да выставить его," "сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово."

В "Мертвых душах" как бы присутствует языковой код культуры, его преломление в тексте своеобразно: то звучит мягкая ирония, то она доходит до сарказма. Гоголь не насыщает поэму иностранными словами, а если употребляет их, то чаще всего дает их в русской орфографии: "Шпрехен зи дейч Иван Андрейч (нем.), комеражи (сплетни),

сконапель истоар, строил куры, бельфам, безе (фран.). Своеобразие проявляется в том, что иностранное слово иногда ассимилируется, приспособляется к русской разговорной традиции (бордо становится бурдашкой, безе - безешкой) или вовсе подстраивается под семантику русской фразы: "Словом, скандалезу наделал ужасного: вся деревня сбежалась, ребенки плачут, все кричат, никто никого не понимает, ну просто оррер, оррер, оррер!.." Смешение русских слов с французскими, как мы знаем, составляло жаргон дворянских салонов. Для сравнения можно привести высказывание Антона Пафнутьича из "Дубровского" А.С. Пушкина: "Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше!" Не зная французского, он склоняет глагол "тушить" на французский лад.

Гоголь широко использует античные образы, образы Древнего Востока, цитаты из Библии, героев известных произведений мировой литературы и т. д. Эти реминисценции он снабжает то ироничным определением, то удачным вводным словом, в результате чего образ снижается: "В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем делается такое превращение, какого и Овидий не выдумает..." (известное произведение Овидия "Метаморфозы". — Г.К.); "Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене: и сама не ест сена, и другим не дает" (Попе де Вега "Собака на сене". — Г.К.); "...мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, соприкосновения,- словом, Семирамида, судырь, да и полно!" (одно из семи чудес света - "Сады Семирамиды". — Г.К.); "Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате принимала гостей"; "Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету..."; "а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сироте-горемыке!.."

Легкая усмешка возникает у читателя, когда он сталкивается с именами детей Манилова - Фемистоклюс и Алкид — или кличками собак - Попури и Адель, когда кучер Селифан награждает своего коня прозвищем "Бонапарт проклятый".

Гоголь не просто смешивает книжную речь с разговорной, он придумывает свой прием вживления книжного слова в обыденное описание и наоборот, как бы меняет их местами: "Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно" (о доме Плюшкина); "Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки в окнах, можете себе представить, полуторасаженные зеркала, так что вазы..." (о доме вельможи).

Книжной речью он наделяет одного из своих героев - Чичикова, который, общаясь с помещиками и чиновниками, принимает их манеру говорить: "И разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначущий червь мира сего и недостоин того, чтобы много о нем заботились, что испытал много на веку своем, перетерпел на службе за правду, имел много неприятелей"; "он почувствовал, что слово "добродетель" и "редкие свойства души" можно с успехом заменить словами "экономия" и "порядок".

Писатель осуждает употребление книжных оборотов, изображая язык дворянских салонов, сентиментальную манеру говорить. Образцом такой речи является письмо дамы: "Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами... Затем писавшая упоминала, что омочает слезами строки нежной матери,... приглашала Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом". Но шедевром манерности и жеманства выступает язык дам: "Никогда не говорили они: "я высморкалась", "я вспотела", "я плюнула", а говорили: "я облегчила себе нос", "я обошлась посредством платка". Ни в каком случае нельзя было сказать: "этот стакан или эта тарелка воняет". И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того "этот стакан нехорошо ведет себя" или что-нибудь вроде этого. А несколько ниже автор делает заключение: "Нет, просто не приберешь слова: галантерная половина человеческого рода, да и ничего больше!"

Мастерски использует автор художественные средства - синонимы, омонимы, многозначные слова. Так, путем перестановки синонимов он добивается восприятия бессмысленности происходящего: "А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец,

собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов... В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепьяно, потом французский язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, то есть вязание сюрпризов, потом французский язык, а там уже фортепьяно."

Сила гоголевского слова в неожиданности концовки, книжного оборота, что и составляет своеобразный прием создания комического эффекта: "Многие были не без образования: председатель палаты знал наизусть "Людмилу" Жуковского ...и мастерски читал многие места... Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, "Юнговы ночи" и "Ключ к тайнствам природы" Эккартгаузена, делал весьма длинные выписки, но какого рода они были, это никому не было известно... Прочие тоже были более или менее люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто "Московские ведомости", кто даже и совсем ничего не читал."

Гоголь - тонкий психолог, знаток русского характера, женских душ, простого народа. Он умело использует явление, которое А.А.Потебня определил как апперцепцию (апперцепция от лат. до восприятия - особенность восприятия, в которой проявляется зависимость восприятия от предыдущего индивидуального опыта человека, ее знаний, интересов, актуальных для него потребностей [3, с. 16]). Писатель пользуется апперцепцией в конце поэмы, когда сделка Чичикова развенчивается. Не зная истинной причины покупки мертвых душ, дамы распускают слух о готовящемся похищении губернаторской дочери, чиновники видят в главном герое капитана Копейкина или даже Наполеона. Суть апперцепции как раз и проявляется во введении новых объектов к уже имеющейся у человека системе представлений.

"Гоголь-писатель, Гоголь-знаток русской жизни и русского слова" [5, с. 6] произвел настоящую революцию в языке. О его успехах в этой области можно сказать его же словами: "Перед вами громада - русский язык. Живой, как жизнь, он обогащается ежеминутно" [4, с.174].

Литература

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII-XIX веков. — М., 1982.
2. Гоголь Н.В. Избранные произведения. — К., 1974.
3. Психологічний словник / за ред. чл.- кор. АПН СРСР В.І. Войтка. — К., 1982.
4. Русские писатели о языке. — Л., 1954.
5. Язык Н.В. Гоголя / под ред. А.Н. Кожина. — М., 1991.